ВЕГЕТАРИАНЕЦ

ОСТРОМИР ДАН

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА

ВНИМАНИЕ

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Остромир Дан
Вегетарианец

https://litres.ru/74800373
SelfPub; 2026

Аннотация

ВЕГЕТАРИАНЕЦ — жестокая, циничная история о том, как красивая картинка из социальных сетей превращается в кровавую криминальную хронику. События происходят в Таиланде: тропический рай, сочные фрукты и загорелые тела молодых девушек, готовых на всё ради просветления.

ВНИМАНИЕ! КНИГА СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ, СЦЕНЫ НАСИЛИЯ, СЕКСА И УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ, ТАБАКА, ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ. АВТОР НЕ ОПРАВДЫВАЕТ ГЕРОЕВ: ОБРАЗЫ СОЗДАНЫ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРОКОВ. 18+

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 20
Глава 3 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Остромир Дан
Вегетарианец

От автора

Мы живем в эпоху, когда духовность стала коммерческим товаром. Социальные сети переполнены лжегуру, коучами и «наставниками», которые обещают почистить карму, открыть чакры и научить дышать правильно. Они продают иллюзию просветления, пряча за цитатами из философов и запахом сандала свои собственные, глубоко порочные наклонности: похоть, нарциссизм, манипуляции и пустоту. За фасадом райских пляжей и мангровых рощ скрывается изнанка Таиланда. Мир, в котором легко потерять себя. Здесь есть место опасным духовным практикам, к которым люди стремятся, не понимая, что человеческая психика, это хрупкий сосуд. Один неверный шаг в глубины подсознания, один глоток запретного опыта и личность разлетается на осколки. Это история о криминале. О том, как безобидные на первый взгляд схемы обрастают долгами, кровью, превращая людей в настоящих монстров. Атмосфера этого мира душная, липкая и беспощадная. Она раздавит и сотрет в пыль любого неподготовленного человека, который наивно решит, что сможет поиграть по чужим правилам и выйти сухим из воды. Тут каждый получает ровно то, что заслужил. Вы можете ненавидеть главного героя, можете смеяться над его остро-

умием или ужасаться его поступкам. Но в конце пути вы поймете одну простую истину: рано или поздно каждый встретит свою Карму.

Автор осуждает любые формы насилия, мошенничества и употребления запрещенных веществ. Все события и персонажи в книге — художественный вымысел, созданный для демонстрации разрушительных последствий человеческих пороков.

Внимание! Книга содержит нецензурную лексику, сцены насилия, секса и употребления психоактивных веществ. 18+

Глава 1

Марк открыл глаза и первым делом уставился в соломенную крышу. Рассвет в Сиамском заливе практически всегда ощущался липкой духотой, от которой простыня прилипает к телу, как второй слой кожи, а после, небо над горизонтом начинает наливаться цветом переспелого манго. Влажный, тяжелый воздух пахнет солью, тиной и сладковатым дымом от сожженных на пляже ароматических палочек. В бунгало из бамбука пахло иначе: спертой страстью, сандаловым маслом и скисшим соком лайма на дне стакана.

Лезть в телефон не хотелось, тело ломило после ночного марафона, но привычка сильнее лени. Марк потянулся к тумбочке, задел пальцем экран. Тот мгновенно засветился десятком уведомлений. Дима скинул сообщения еще в шесть утра:

«Ты живой вообще?»

Марк смахнул уведомления не читая. В директе творился привычный базар. Много женских имен, восклицательных знаков и просьб прислать адрес. Последний пост, с тарелкой нарезанного манго на фоне розовеющего неба и стеклянной глади воды, собрал под сотню лайков за пару часов. В снежной России такие картинки пожирали как горячие пирожки. Под фото висел комментарий:

«Когда страсть проходит, она оставляет после себя

темную тоску по себе и, даже исчезая, бросает свой соблазняющий взор».

Марк усмехнулся. Он вставил эту цитату из Ницше в описание, потому что знал, как это работает. Но главное было в другом. Он всегда дописывал к чужим мыслям пару своих, лепил из философии и собственной пошлости некий гибрид. Так, чтобы цитата звучала умнее, а он сам, глубже. Девочки влюбляются не в него, а в свои фантазии о том, каким он мог бы быть. А он просто даёт им иллюзию.

Он отложил телефон и сел. Голый, с растрепанными светлыми, выгоревшими на солнце волосами, он походил на серфера, которого выбросило на берег после недельного шторма. Подойдя к зеркалу, висевшему на бамбуковой стене над раковиной, Марк посмотрел на своё отражение и увидел то, что видел всегда. Не загорелого мужика с рельефом, а толстого мальчика с отвисшими щеками. Того самого, которого мать таскала по эндокринологам и заставляла взвешиваться при гостях, приговаривая:

«Ну кто тебя такого полюбит, а, поросёночек мой?»

Он до сих пор слышал этот голос, когда смотрел на свои плечи, которые считал узкими, и на пресс, который казался ему мягким. Он качал железо в зале на Уокинг-стрит до одури, но в зеркале все равно стоял тот самый мальчик, которому нужно было доказать, что он не пустое место. Марк с отвращением смыл с лица остатки ночи, натянул на бедра полотенце и вышел на веранду.

Рассвет уже вступил в силу, заливая зеленую лужайку перед бунгало ярко-желтым светом. Где-то за пальмами орали цикады. Марк заварил кофе. Густой, горький аромат перебил все остальные запахи.

В бунгало что-то зашуршало.

Марк повернул голову и увидел у раковины Герду со спины. Абсолютно голая, она стояла, наклонившись над краном. На всю её спину, от лопаток до самой поясницы, раскинулся огромный амурский тигр. Хищник, выгнувший спину в прыжке, его полосатая шкура переплеталась с толстыми стеблями и тяжелыми белыми лотосами. Татуировка была старой, но линии держались четко, контрастируя с её загорелой кожей. У неё была нереальная задница. Спортивная, упругая, созданная для того, чтобы её сжимали и шлепали. Она была замужем за маленьким толстым тайцем по имени Тонг, он сколотил империю на продаже морепродуктов в Бангкоке и имел член размером с мизинец. Марк прекрасно понимал, что такую телочку нужно трахать минимум каждый день, иначе она найдет того, кто это сделает. И она нашла.

В ней чувствовалась кровь. Метиса. Русые волосы с темными корнями и завитыми кончиками падали на плечи. В ней было что-то от азиатской женщины, какая-то плавность движений и дикая, первобытная страсть, которая не давала ей сидеть на месте. Она родилась во Владивостоке, десять лет назад закончила институт на переводчика и уехала поко-

рять Азию. Осела в Бангкоке, вышла замуж за Тонга, но детей у них не было. Она была бесплодна, последствия раннего аборта, о котором она старалась не вспоминать.

В этот момент со стороны лужайки послышались легкие шаги. Молодая тайка, принесла корзину фруктов. Марк молча протянул ей пару купюр. В корзине лежали спелые манго, темно-фиолетовые мангустины и два огромных, колючих дуриана, от которых даже сквозь кожуру шел тот самый, ни с чем не сравнимый запах.

Он сел в плетеное кресло, взял чашку и сделал глоток. Герда подошла, села на соседний стул, закинув ногу на ногу, и посмотрела на него с легкой усмешкой.

— Кофе будешь? — спросил Марк.

— Буду, — она протянула руку и забрала у него чашку, делая глоток.

Она пила из его чашки, а Марк думал о том, что старик Фрейд был прав.

«Когда они любят, они не желают обладания, а когда желают, не могут любить.»

Марк не любил. Он хотел её тело, и деньги её мужа-импотента, который даже не подозревал, что его жена трахается с каким-то русским.

Он потянулся к корзине, взял спелый плод, срезал кожуру и вынул гладкую, волокнистую косточку. Сок моментально залил пальцы, стекая к запястью. Марк поднес большой палец к лицу Герды. Она, не отрывая от него взгляда, взя-

ла его в рот, провела языком по подушечке, слизывая сладкую, липкую жидкость. Сделала это медленно, со вкусом и легким стоном от удовольствия. Второй палец Марк облизал сам, завершая этот маленький ритуал.

«*В этом был весь кайф. Отдать ей свой палец, заставить взять его в рот. Это не просто жест. Это тест на доверие. Когда женщина берет тебя в рот, туда, где обычно бывает только еда или сигареты, она отдает тебе все свои границы. Марк хотел владеть всеми отверстиями и пространством. И она послушно брала, доказывая, что он имеет право*».

Герда вцепилась зубами в оставшуюся половину манго. Сок брызнул, потек по подбородку, капнул на голую грудь, оставляя липкий, блестящий след на загорелой коже. Марк смотрел на неё и видел все её изъяны. Кривые передние зубы, которые она всегда прикрывала ладонью, когда смеялась. В детстве родители зажали брекеты, и теперь она стеснялась своей улыбки. На животе, прямо над пупком, рассыпались родинки. Муж Тонг называл их «картой островов», она это ненавидела, потому что считала дефектом кожи. Но когда она наклонялась, или двигалась, все эти мелочи стирались. Её фигура, упругая задница, та животная страсть, с которой она отдавалась ему ночью, перекрывали любой визуальный шум. Он пересиливал себя, отключал брезгливость, потому что секс с ней стоил того.

Герда оторвалась от фрукта, облизала липкие губы.

— Какие планы на сегодня? — спросила она.

Марк сделал важное лицо, отпил кофе.

— Дел полно. На ферме рабочие моменты, надо созвониться с Димой. Плюс сегодня на ретрит прилетает одна девушка. Нужно встретить, все показать, погрузить в атмосферу.

— Я уже ревную, — ответила Герда, откидываясь на спинку кресла. — Ты ей тоже устроишь полный и глубокий курс? — она улыбнулась, но в глазах мелькнул холод.

— Тебе не идет ревность. Она тебе не нужна, — Марк посмотрел на неё. — Фрейд писал, что ревность это проекция наших собственных вытесненных страхов и желаний. Мы не владеем друг другом. Мы просто делим этот момент. Иллюзия собственничества убивает желание. Ницше говорил, что стремление к обладанию разрушает саму суть вещей. Мы же с тобой выше этого. Мы свободные люди.

— Вот за это я тебя и ценю, — засмеялась Герда. — Ну, помимо твоего виньяса.

Она вытерла липкие пальцы салфеткой, бросив её на стол.

— Вчера ты говорил, что есть какие-то проблемы на ферме?

— Ничего серьезного. Недопонимание с местными властями. Бумажная волокита.

— Я знаю, как они решаются, — Герда подалась вперед. — Я перевела тебе несколько тысяч батов. На расходы.

— Это лишнее, — Марк нахмурился.

— Нет, не лишнее, — она покачала головой. — Я хочу оставить себе немного ощущения, что не только ты меня имеешь. Что и у меня есть власть.

Марк улыбнулся. Ему нравилось, как она это формулирует.

Герда встала, подошла к нему и наклонилась.

— Мне пора. Тонг сегодня возвращается из командировки. А за домработницами нужно всё проверять. Они те ещё грязнули, поэтому у меня их две. Тонг не любит, когда грязно, его это бесит.

Она натянула легкое платье прямо на голое тело, ткань моментально прилипла к бедрам.

— Когда мы увидимся? — спросила она, поправляя лямку.

— На этой неделе у меня ретриты, все расписано. Как будет время, я напишу.

Она ничего не ответила. Только улыбнулась, обнажив кривые зубы. В этой улыбке было столько же цинизма, сколько и у него самого. Они оба играли в эту игру, и оба знали, кто в ней платит.

Герда вызвала такси через Grab, подошла и крепко поцеловала его в губы. Аромат ударил в нос гремучей смесью: горький кофе, сладкая мякоть манго и въедливый запах сигарет. Она ушла, а Марк закинул ногу на ногу, откинулся на спинку плетеного кресла, взяв свой айфон. Он открыл профиль в социальной сети. Это был его мир. Тут он был как

рыба в воде, чувствуя каждое течение и вздох аудитории.

В Москве он не закончил журфак. С четвертого курса ушел. Не потому, что мозгов не хватило, наоборот, учеба казалась ему пресной и тупой. Его истощили бесконечные пьянки, тусовки, дешевый алкоголь из пластиковых стаканов и беспорядочный секс с однокурсницами. Все это высасывало энергию, оставляя после себя липкое похмелье и пустоту. Но именно там, в душном метро, уткнувшись в экран телефона, пока вагон гремел по кольцевой, он читал Фрейда и Ницше. Впитывал их идеи, как губка, переводя философию на язык простых инстинктов, вникая в психологию женского восприятия. Строил схемы. Обкатывал их на студентках. И схемы работали.

Его забрали в армию, куда-то под Тамбов. Год в сапогах и портянках, потом возвращение в Москву. Работал везде: грузчиком, продавцом, менеджером, охранником. Нигде не задерживался больше полугода. С начальством не срабатывался, любое руководство казалось ему тупым и несправедливым. Так он и просрал почти десять лет, пока не понял, что в этой стране он никому ничего не должен, кроме самого себя. Марк взял в банке кредит наличными, зная, что никогда его не вернет, и решил свалить из любимой Родины навсегда.

Индия сбила его с ног. Она пахла карри, грязью, благовониями и вечным дымом от кремаций на берегах Ганга. В Ришикеше, он учился йоге, начиная с Хатхи, выкручивая суста-

вы в неудобные позы, чтобы очистить тело. Освоил Аштангу, где пот заливал глаза, а мышцы горели от боли. Потом нырнул в пранаяму, задерживая дыхание до тех пор, пока в висках не начинало стучать. Он прошел десятидневную Випассану, сидя неподвижно по десять часов в день и слушая, как сходит с ума его собственный мозг. В этой звенящей тишине он вдруг осознал: реальность, это граница, которую ты проводишь сам.

Вегетарианство стало его первой чертой, которую он провёл по тарелке, отказавшись от мяса. Во-первых, мясо в Индии было попросту опасным. Во-вторых, овощи давали редкое чувство, лёгкость и чистоту. Вокруг него, было полно интересных духовных лидеров, с которыми он пил чай и обсуждал карму, это была отличная школа. Он смотрел на них, как они держат залы, гипнотизируют людей мягким голосом, и впитывал.

Дима, его двоюродный брат, осел в Таиланде ещё в 2018-м. Они часто созванивались, и он рассказывал про вечное лето, дешевые баты и то, как в Паттайе можно жить вообще не напрягаясь. Дмитрий устроился гидом в местную турфирму, возил русских туристов по храмам и островам, забирал их из аэропорта, таскал чемоданы и слушал их пьяные жалобы на жизнь. Работа дала ему главное: он выучил, как устроен этот город изнутри. Знал, где можно снять бунгало у самого моря за смешные деньги, оброс связями с местными и русской диаспорой, выучил тайский на уровне базарного

торга и решал вопросы там, где другие пасовали.

В какой-то момент Марк осознал простую вещь. Индия больше не работала. Она стала зеркалом, где вместо просветления он видел только свою уставшую рожу. Жрать рис и корчить из себя святого надоело. Все изменилось летом 2020-го, когда ковидные ограничения наконец сняли и Марк принял простое решение: прилететь к Диме в Таиланд. Он въехал по обычной туристической визе. В паспорте начали копиться штампы. Каждые пару месяцев приходилось мотаться в Малайзию, чтобы сделать виза-ран. Для кого-то это была бы головная боль, но для Марка это были скорее досадные формальности. Главное, он был здесь.

Идея с ретритами пришла сама собой. Он просто начал активно вести страницу, выкладывая красивые кадры с фруктами, йогой и своими мыслями. Мешал цитаты Ницше с фотографиями природы и манго. Аудитория подтянулась моментально. Первые девушки написали сами. Они хотели приехать, попрактиковать с ним йогу, открыть чакры, очистить карму. Им хотелось купить кусочек его красивого, легкого мира. И он готов был им его продать.

Марк листал ленту. В директе мигало новое сообщение. Он открыл его. Девушка по имени Вера писала, что летит сегодня в Таиланд на отдых и хочет пересечься с ним для практик. Он ткнул на её аватарку. Открылся профиль. На фото: ухоженная блондинка с ямочками на щеках, взгляд прямой, чуть надменный. Под фотографией висел статус:

«Мне не нужен мужчина, который будет решать мои проблемы. Мне нужен тот, который не будет их создавать»

Марк ухмыльнулся. Классика. Он закрыл профиль. За окном поднималось солнце, освещая зеленую лужайку. Он набрал ответ.

«Прилетай. Я жду»

Марк перезвонил Диме.

— Как ты, бро?

— Все норм, завис сегодня до утра у Сергея, — голос у Димы был хриплый, будто он всю ночь орал или пил дешевый виски. — Может, сегодня побоксируем в санам муай? Разомнемся.

— Не могу, сегодня занят.

— Герда уехала? — Дима усмехнулся.

— Ага, — Марк посмотрел на скомканную простыню.

— Бля, повезло тебе. У неё фигура просто отвал башки.

— Да, классная девочка, — Марк смахнул липкую каплю сока с бамбукового столика.

— Короче, давай не пропадай. Тут темка назревает, нужно встретиться.

— Я тебя услышал, наберусь.

Марк сбросил вызов. Взял влажную салфетку и начал протирать стол от следов манго. Он приводил бунгало в порядок от буйной ночи. Влажный воздух до сих пор хранил запах её тела. Вспоминая детали вечера, он смаковал их так, что

почувствовал, как встал член. Герда вытворяла такое в постели, в порыве этой дикой, животной страсти, что невольно Марк поджимал пальцы на ногах. Она царапала ему спину, кусала за плечо, выгибалась так, что казалось, её тигр на спине оживает.

Телефон звякнул. Марк посмотрел на экран. Сообщение от контакта с именем «Дурман».

«Привет, заебала Москва, пару дней и вылетаю, нужно почистить карму. Хочу вспомнить, как пахнет настоящая жизнь»

Это была его постоянная клиентка по имени Рита. Она была женой большого чиновника из министерства здравоохранения. В его телефоне она значилась как Дурман, потому что, когда она появлялась на пороге его бунгало, от неё за версту несло дорогими духами, смешанными с какой-то сладкой, удушливой тоской. Она прилетала не столько за йогой, сколько за тем, чтобы вылить душу, найти время помедитировать в компании молодого крепкого юноши и отвлечься от своего мужа. Марк знал: если правильно надавить на её скуку и одиночество, она готова платить любые деньги. В этом и была его работа.

Не успел он положить телефон, как пришло новое сообщение с никнеймом «Мангустин».

«Я уже мокрая, ты был неотразим сегодня»

Это была Герда. Марк ухмыльнулся, поправляя вставший член под полотенцем. Он любил эту игру в названия. Присва-

ивать женщинам имена фруктов, иногда просто за схожесть или вкус, а иногда за то, какие они на ощупь. Это был его маленький фетиш. За глаза, в русском комьюнити на Паттайе, его давно прозвали «Веганом». Люди, едва знакомые с ним, думали, что дело в диете и йоге. Но Дима знал правду.

Марк разложил на застеленной кровати целые фрукты. Спелые манго, пара мангустинов, они лежали на белоснежном хлопке, как натюрморт. Он сделал несколько кадров. Поймал момент, когда рассветное солнце пробилось сквозь бамбуковые жалюзи и залило постель золотистым светом. Кровать была идеально заправлена. Никаких следов ночи, скомканных простыней. Это был знак. Постель ждет следующую. Он выложил кадр и подписал:

« Если долго смотреть в бездну, бездна начинает смотреть в тебя. Но иногда в бездне тоже кто-то стонет»

Цитата Ницше, вывернутая наизнанку, но для посвященных это был прямой намек. Те, кто знал, поймут. Кто не шарил, просто поставят лайк.

Он свернул приложение с никнеймом и открыл банковское приложение от Kasikornbank. На экране красовался баланс: Двадцать тысяч батов от Герды уже упали на счёт. Он улыбнулся, глядя на цифры. Деньги пахли не потом и не сексом, они пахли свободой. Он включил колонку JBL. Из динамика заиграл тяжелый, тягучий бас трека "Graveyard Roads" от Domus Made. Музыка поплыла над зеленой лужайкой, смешиваясь с утренним стрекотом цикад. Марк убрал те-

лефон, скинул полотенце и вышел из бунгало под музыку. Утренний песок обволакивал ступни. Марк зашел в море, чувствуя, как прохладная вода смывает с кожи остатки ночи и липкий сок манго. Он нырнул с головой.

Глава 2

Мотобайк ревел, пробиваясь сквозь плотный, душный трафик. Марк сидел в белой майке без рукавов и шортах, чувствуя, как пот стекает по спине. Солнце жарило нещадно, превращая асфальт в раскаленную сковородку. Воздух пах бензином, жареным рисом из уличных палаток и мокрым бетоном. По обочинам, прямо на тротуаре, в тени пальм дрыхли тощие уличные псы. Никто их не трогал, они были частью пейзажа, как и сонгтео с туристами.

Он припарковался у 7-Eleven. Стеклянные двери разъехались, обдав лицо спасительным холодом кондиционера. Внутри пищали сканеры, пахло дешевым кофе и хлоркой. Марк взял пару бутылок воды и презервативы. Тайка на кассе привычно улыбнулась, пробивая чек.

Дальше был рынок. Здесь воздух становился густым и осязаемым. Запах свежей рыбы, гниющей зелени, специй и сладкого. Марк медленно прошел мимо палаток, выбирая фрукты. Продавец, смуглый таец в грязном фартуке, взвесил ему пару крупных манго, авокадо и один колючий дуриан. Он выбрал самые сочные, надавливая на кожуру большим пальцем, проверяя спелость. Достал телефон, это был его микромир, с декорациями. Он ловил кадры: то, как солнечный свет пробивается сквозь щели в крыше палатки и падает на гору манго или как тайская бабушка чистит ананас. Из

него мог бы выйти неплохой фотограф, у него был глаз. Но Марку было достаточно этого момента. Айфон делал нереальные фото, оставалось только подкрутить контраст и яркость в редакторе. Он быстро выложил несколько сторис, добавляя геолокацию.

Обратный путь был свободнее. Мотобайк летел по пустынной дороге вдоль побережья, ветер трепал выгоревшие волосы. Море слева отливало изумрудным, справа без конца тянулись джунгли. В лицо бил чистый воздух, резкий, солёный, настоящий. Марк чувствовал себя хозяином этой дороги.

Вернувшись, он сел в позу лотоса прямо на деревянный настил. Закрыл глаза. Тишина. Он пытался очистить голову, как учили в Ришикеше, но мысли все равно возвращались, к предстоящей встрече. Он сидел так минут двадцать, пока телефон не звякнул. Сообщение от Веры:

«Я на подъезде».

Марк открыл глаза. Вдалеке послышался звук подъезжающего такси. Машина остановилась у ворот. Дверь открылась, и вышла она. Когда Вера повернулась, чтобы расплатиться с водителем, Марк заметил маленькую ласточку, татуировку на лопатке. Вера шла уверенно, хотя в походке проступала усталость. Рост у неё был метр шестьдесят, не выше. За ней катился небольшой красный чемодан на колёсиках. На Вере были белые шорты и лёгкая нейтральная майка. Ноги у неё были немного полноватыми, особенно нижняя часть икр, это

сразу бросалось в глаза. Марк поднялся, оценивая её взглядом профессионала. Даже под слоем тонального крема он заметил след от акне на левой щеке, который она старательно маскировала. На безымянном пальце белела полоска от снятого кольца. Он натянул свою фирменную улыбку, обаятельную и открытую.

Марк провел её внутрь. Бунгало было небольшим, но выглядело как картинка из Pinterest: бамбуковые стены, минимум мебели, огромная кровать под балдахином из белой сетки. Вера поставила свой красный чемодан и огляделась.

— Тут... очень атмосферно, — сказала она, и Марк уловил в голосе нотку напряжения. Она пыталась контролировать пространство, как привыкла.

— Расслабься, — он улыбнулся. — Ты дома. Ну, на ближайшие дни точно.

— Мне бы переодеться, — Вера оглянулась, ища глазами дверь в ванную.

Марк кивнул на бамбуковую ширму в углу комнаты. Она скрылась за ней, а когда вышла, на ней было легкое, полупрозрачное платье, под которым угадывался купальник. Она сразу стала мягче, но в плечах все еще оставался зажим.

— Я, если честно, год на тебя подписана, — призналась она, поправляя волосы. — Твои фото... они как глоток свежего воздуха. Я смотрю на твои закаты, и мне кажется, что в мире ещё есть что-то настоящее.

— Настоящее всегда рядом, — Марк разлил по чашкам

зеленый чай. На столе стояла глубокая тарелка с фруктами: манго, блестящие мангустины и авокадо. — Просто мы разучились его замечать.

Он не стал сразу предлагать йогу. Это была его фишка: сначала нужно было снять защиту. И Вера начала сама говорить. Сначала сдержанно, с достоинством. О том, что у неё свой бизнес, что она привыкла все тащить на себе.

— У меня салон. Двадцать мастеров. Я пашу как лошадь, — она сделала глоток чая. — Муж ушел. Оставил мне ипотеку и кучу кредитов. Говорил, что я стала слишком сильной. Понимаешь? Слишком сильной для него.

— А ты не сильная, — тихо сказал Марк, глядя ей прямо в глаза. — Ты просто устала быть сильной. Это разные вещи.

Она замерла. В её взгляде что-то дрогнуло. Он попал в точку. Марк знал этот механизм: чтобы открыть дверь, не нужно её ломать. Нужно просто найти правильный ключ. И этим ключом была её усталость.

— Мой отец... — она вдруг запнулась. — Он никогда меня не хвалил. Всегда говорил, что я должна быть лучше. И я старалась. Всегда.

— И ты добилась всего сама. Ты молодец, — Марк подлил ей чаю. Он не спорил, не давал советов. Он просто слушал, как психолог, который знает, что клиенту нужно выговориться. — Ты несешь этот груз, потому что иначе не умеешь. А внутри ты просто хочешь, чтобы кто-то сказал тебе: отдохни. Я рядом.

Вера смотрела на Марка, она отвыкла от того, чтобы её просто слушали.

— Знаешь, мы часто выбираем партнеров, которые повторяют наши детские травмы, — Марк перевел тему на философию, чтобы не спугнуть момент.

— Мы ищем того, кто будет нас отвергать, как отец, или того, кто будет нас спасать, как мать. Но мы не обязаны жить по этим сценариям.

— А ты веришь в карму? — она устало провела тыльной стороной ладони по лбу, стирая мелкие капли пота.

— Верю в то, что каждый получает, чего заслуживает, — он мягко улыбнулся.

— А ты заслуживаешь отдыха. Посмотри на этот лотос. — Марк лёгким жестом указал на небольшую круглую вазу у входа, в которой стояли свежие цветки.

— Он растёт из грязи, но тянется к солнцу. Ты тоже, выбралась из этих проблем с кредитами и мужем. Сейчас ты здесь. На краю света. И это не случайность, а твой собственный шаг туда, где можно наконец выдохнуть.

Она была поглощена собой и своим освобождением. Марк подыгрывал ей. Он отражал её эмоции, как зеркало. Когда она злилась на мужа, он хмурился. Когда она смеялась над своими ошибками, он улыбался. День пролетел незаметно. Влажный воздух стал прохладнее, солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в розово-фиолетовые тона. Вера сидела в плетеном кресле, поджав под себя ноги,

и выглядела уже совсем иначе: не бизнес-леди, а уставшая женщина, которая наконец-то позволила себе расслабиться.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Я давно так ни с кем не разговаривала.

— Это только начало, — Марк встал и включил колонку.

Из динамиков полился трек «Jakob Weise», Guru Brahma. Тяжелый, вибрирующий бас пробирал до костей, а поверх него плыли тонкие, медитативные звуки флейты. Музыка обволакивала, заставляла вибрировать влажный воздух.

— А теперь давай попробуем отпустить все это через тело. Йога и дыхательные практики. Ты же за этим приехала.

Он жестом пригласил её на лужайку перед бунгало. Трава была мягкой и прохладной. Вера послушно встала и пошла за ним, как завороженная. В её взгляде уже не было той надменности, которая была в начале. Теперь она смотрела на него снизу вверх, как мышка на удава. Солнце медленно сползало к горизонту, окрашивая небо в густые, переспелые тона манго и граната. Музыка вибрировала во влажном воздухе, её низкие частоты отдавались где-то в груди, а флейта плела тонкую, тягучую мелодию. Марк расстелил на траве два тонких коврика.

— Встань ровно, — сказал он. — Стопы на ширине плеч. Закрой глаза. Дыши.

Вера встала, неуверенно переступила босыми ногами по траве. Она была в легком платье, которое сразу прилипло к бедрам. Марк встал сзади, так близко, что чувствовал запах

её духов, смешанный с потом.

— Сделай вдох на четыре счета, — его голос был низким, спокойным.

— Задержи на четыре. Выдох на шесть. Плечи расслабь. Не поднимай их к ушам. Ты все время держишь оборону, даже когда стоишь.

Она попыталась расслабиться. Дыхание сбивалось. Марк положил ладонь ей на живот, чуть ниже пупка. Она вздрогнула.

— Здесь дыши. Не грудью. Животом.

Он чувствовал, как её мышцы напрягаются под его пальцами, а потом медленно, неохотно отпускают. Она сделала несколько глубоких вдохов, и её тело начало поддаваться. Марк убрал руку.

— Теперь переходим в позу горы. Тадасана. Руки вдоль тела. Закрой глаза. Представь, что ты пустой сосуд.

Прошло десять минут. Они перешли в позу воина. Вера держала руки в стороны, её ноги дрожали, но она упрямо не сдавалась. Марк поправил её бедро, чуть развернув наружу. Он чувствовал её кожу, горячую и влажную. Она смотрела на него, и в её глазах было что-то большее, чем просто интерес к йоге. Голод. Тот самый, который он видел у многих женщин, приезжавших сюда. Голод по вниманию, по мужскому прикосновению, по тому, чтобы их кто-то наконец увидел. Стоило ему только чуть надавить, провести пальцем по её руке, и она бы потекла. Он знал это. Но, он не делал. Сейчас

было не время.

— Теперь переходим к дыханию огня, — сказал он. — Сядь в лотос. Спина прямая. Дыши быстро и резко через нос. Это очистит твои каналы.

Она села. Он сел напротив. Музыка сменилась на более ритмичную, с барабанами. Вера начала дышать. Сначала неуверенно, потом все быстрее и глубже. Ее лицо раскраснелось, по лбу потекли капли пота. Она дышала так пять минут. Марк смотрел на неё, не отрываясь. Потом он добавил:

— Не старайся дышать громко. Это не спорт. Просто резкий выдох носом, живот работает как меха.

Она замерла. Влажный воздух, казалось, загустел. Он разрешил выдохнуть. Она выдохнула и открыла глаза. В них было что-то новое. Спокойствие. И изумление.

— Это... волшебство, — сказала она тихо, глядя на свои руки. — В Москве я никогда не чувствовала ничего подобного. Как будто из меня вынули весь мусор. И залили туда чистый воздух.

— В Москве другая энергетика, — Марк улыбнулся. — Город — это эгрегор. Он настроен на то, чтобы собирать с тебя энергию. Ты отдаешь ему все, а взамен получаешь пробки, бетон и вечную усталость. А здесь энергия идет из земли. Она заряжает тебя.

Она кивнула, соглашаясь. Её глаза смотрели на него с благоговением. Вера была готова на всё. Но Марк встал и протянул ей руку, помогая подняться.

— Пойдем, проветримся.

Солнце уже почти скрылось, оставив на небе только тонкую фиолетовую полосу. Вера шла босиком, её сандалии болтались в руке.

— А расскажи мне про свою ферму, — вдруг попросила она. — Ты так много о ней говоришь в блоге.

Марк помолчал, глядя на горизонт. Ловушка должна была захлопнуться идеально.

— Это место силы, — начал он. — Там растут фрукты, которые я сам выводил. Манго, которое ты сегодня ела. Оно не такое, как в магазине. Там земля пропитана особым составом, который я делаю из морских водорослей и местных трав. Я не использую химикаты. Только энергия земли и вода. Завтра я тебя туда свожу. Сама все увидишь.

— Правда? — она остановилась, повернувшись к нему. — Ты серьезно?

— Конечно, — он посмотрел на неё. В лунном свете её лицо казалось моложе, а след от акне был почти незаметен. — Там сейчас как раз сезон. Увидишь, как растут манго.

Она улыбнулась. Впервые за весь день улыбка была искренней. Она доверяла ему. Марк видел, как в её глазах рушится последняя стена. Теперь она была полностью его. Они пошли по кромке воды. Волны лениво накатывали на песок. Вера шла поддевая носками ног пенные гребни, которые с шипением умирали на мокром песке, оставляя после себя пузырьки и запах йода.

— А ты случайно не знаешь, кто я по гороскопу? — вдруг спросила она.

Марк усмехнулся про себя.

«*Астрология, ну конечно. Для него это был просто еще один набор рычагов давления. Ебаный цирк, но бабы на это ведутся как ненормальные. Достаточно сказать пару правильных слов, и они поверят, что ты видишь их насквозь*».

— Ты Лев, — сказал он уверенно, даже не спрашивая. По её повадкам, по тому, как она держит спину, смотрит, это было очевидно. — Июль или август. Ты привыкла быть королевой, но в глубине души боишься, что без этой короны тебя никто не полюбит.

Вера замерла. Одна нога так и осталась в воде, пена омывала ее щиколотку. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Как ты...

— Львы сжигают себя, пытаясь согреть всех вокруг, — продолжил Марк, не давая ей опомниться. — Ты светишь, но внутри у тебя, наверное, все выгорело. Львам нужен тот, кто будет защищать их, а не тот, кого они будут защищать.

— У меня муж был Раком, — тихо сказала она, и в голосе послышалась горечь. — Он постоянно обижался и прятался в свою раковину.

— Раки и Львы несовместимы, — Марк пожал плечами. — Разные стихии. Вода гасит огонь. Ты пыталась его спасти, а он просто тянул тебя на дно. Это классика.

Она вышла из воды, оставляя на песке мокрые следы, и пошла рядом с ним. Её плечо почти касалось его руки. Марк чувствовал, как от неё идет тепло, как она расслабляется еще больше.

— А ты кто по знаку? — спросила она.

— Скорпион, — соврал Марк. Он всегда говорил, что он Скорпион. Это звучало опасно и загадочно. Женщины велись на эту хуйню. — Мы любим контролировать все, что нас окружает. И мы не боимся темноты.

— Это точно, — она улыбнулась. — Я чувствую, что ты меня видишь. По-настоящему.

Марк молчал. Но для неё это был момент откровения.

— Ты такой... уверенный. Наверное, у тебя было счастливое детство.

Вопрос был неожиданным, но он умел говорить на эту тему так, чтобы это звучало как откровение.

— Я вырос без отца, — ответил он, глядя на горизонт. — И знаешь, это лучшее, что со мной случилось. Мальчик без отца учится всему сам. Он падает, разбивает коленки, встаёт и делает выводы. Никто не стоит над ним с ремнём или с указкой, не диктует, как правильно. Он сам себе отец, сам себе бог. А мальчик с отцом это копирка. Он всю жизнь пытается догнать папу, конкурирует с ним за место под солнцем. А когда жизнь даёт ему по морде, он ломается. Потому что понимает, он не отец. Он слабее. Или наоборот, отец навязывает ему свой путь, свою правду, или мнение. И в итоге

парень вырастает с чужой головой на плечах. Пустой. Потому что это был не его маршрут.

Вера смотрела на него, приоткрыв рот. В ее глазах читалось что-то похожее на восхищение.

— Ты идеален, — ответила она тихо, и в её голосе не было ни капли иронии. — Настоящий мужчина. В Москве таких не осталось. Они там все вывелись. Сдохли в пробках и кредитах. — она потянулась и коснулась его руки. Её пальцы были холодными от морской воды.

Ночью он лежал в гамаке на веранде, слушая, как она ворочается на кровати. Из бунгало доносился запах её духов и тихое дыхание. Она специально шуршала простынями, вздыхала, будто невзначай роняла что-то на пол. Он лежал, ухмылялся и слушал, как она мучается. Это было лучше секса. Это была власть. Он не был тем мужиком, который прыгает в постель по щелчку пальцев. Женщина уважает мужчину больше, когда он не пытается воспользоваться моментом. Когда он держит дистанцию. Это была его философия, его оружие.

Он достал телефон, экран осветил его лицо. В директе мигали новые сообщения. Какая-то девица из Питера спрашивала про ретриты. Еще одна, из Казани, присылала фото в купальнике и спрашивала, не нужна ли ему помощница. Марк отвечал коротко, с ленцой, смакуя свою недоступность. Гамак слегка покачивался под ним. Его мысли были о Вере.

«Сексуальное влечение это сублимация инстинкта смер-

ти. Мы хотим обладать, разрушать и поглощать. Но настоящее удовольствие не в том, чтобы взять, а в том, чтобы заставить ждать. Заставить хотеть. Незавершенное действие жжет изнутри. Пусть горит. Завтра она сама приползет и будет умолять закрыть этот гештальт».

Вера вышла на веранду, щурясь от яркого утреннего света. На бамбуковом столе её ждал завтрак. Глубокая тарелка с нарезанным манго, тёмно-фиолетовые мангустины, очищенные от кожуры дольки апельсина. Рядом дымилась чашка кофе, сваренного в турке. На тарелке лежал тофу с помидорами и зеленью, ещё горячий, с поджаристыми краями. Она села в плетёное кресло, взяла вилку и почувствовала, как желудок сжимается от голода, которого она не замечала вчера.

На лужайке, в тени пальмы, Марк сидел в позе лотоса. Спина прямая, глаза закрыты, дыхание ровное. Он не двигался. Вера смотрела на него, и в её взгляде было что-то новое, тихое, почти благоговейное. Она ела медленно, не сводя с него глаз.

Через полчаса он подошёл, сел напротив. От него пахло травой и потом, на плечах блестели капли влаги.

— Как спалось? — спросил он.

— Это был лучший сон за последние годы, — она улыбнулась. — Я не просыпалась. Вообще. Просто провалилась и всё. В Москве я сплю по три часа, вскакиваю от каждого шороха. А тут...

Она замолчала. Марк видел, что она не договаривает. Что-

то ещё было в этом сне, в этой ночи, о чём она не хотела говорить. Но он не давил. Он просто кивнул. Вера смотрела на него иначе. Вчера была настороженность, контроль, попытка держать лицо. Сегодня открытость. Как будто она знала его годы, а не сутки. Стена рухнула.

— Какие планы? — спросил он, отпивая кофе.

— Побуду тут ещё день, — она отложила вилку. — У меня бронь в отеле в Джомтьене. Rabbit Resort. Знаешь такой? Там эти домики в тропическом стиле, прямо у моря. Хочу просто поваляться, почитать. А потом двинусь дальше по побережью.

Марк кивнул. Rabbit Resort был дорогим местом, не для случайных туристов.

— А сегодня? — спросил он.

— Ты обещал ферму, — она улыбнулась.

Марк завёл байк. Вера села сзади, обхватила его руками, и он почувствовал, как её пальцы сжались на его животе. Шлемы, ветер, дорога. Они ехали вдоль побережья, мимо рыбацких деревень, где на верёвках сушились сети и кальмары, мимо храмов с разноцветными лентами на деревьях, мимо плантаций каучука с ровными рядами деревьев. Вера что-то кричала ему в ухо, но ветер сносил слова. Он только чувствовал, как она смеётся, как прижимается крепче на поворотах.

Они остановились у храма. Небольшой, на холме, с белой стеной и золотой черепицей, блестевшей на солнце. У входа стояли каменные львы с зелёными от мха мордами. Пах-

ло благовониями и жасмином. Внутри, в полумраке, сидел Будда, покрытый сусальным золотом. На полу лежали коврики, стояли свечи в металлических подсвечниках. Марк купил палочки у старухи, сидевшей у входа. Зажёг три штуки, воткнул в песок перед статуей. Вера сделала то же самое, неуверенно, повторяя за ним движения.

— Это место, — сказал Марк тихо, глядя на пламя, — построили рыбаки. Давно, лет двести назад. Они уходили в море на своих лодках, и многие не возвращались. Жёны и матери приходили сюда и молились. А потом один старик, который потерял всех сыновей, принёс сюда статую Будды. Он нёс её на спине три дня. И с тех пор, говорят, шторма у берега стали слабее.

Он помолчал.

— Ницше сказал бы, что это иллюзия. И люди просто нашли способ не сходить с ума от страха. А Фрейд сказал бы, что это проекция — мы создаём богов, потому что не можем вынести беспомощности.

— А ты? — спросила Вера, смотря на него.

— Я верю в то, что люди находят смысл там, где им удобно, — он улыбнулся. — Пойдём. Нам ещё до фермы ехать.

Он взял её за руку и вывел на солнечный свет.

Ферма началась с пыльной грунтовой дороги, которая свернула в сторону от трассы. Байк подпрыгивал на ухабах, Вера вцепилась в Марка крепче, её шлем стукался о его плечо. По обочинам тянулись ряды пальм, между ними паслись

тощие коровы, а у бетонного забора лежала собака, у которой от жары язык вывалился на песок.

Ворота были открыты. За ними открылся вид на плантацию: ровные ряды невысоких деревьев с тёмно-зелёными листьями, под которыми тяжело свисали плоды. Бамбуковые навесы, крытые рифлёным железом, стояли по краям, под ними суетились двое рабочих в выцветших футболках, грузили ящики с манго в кузов пикапа. Пахло спелой мякотью, пылью и дизелем от старого трактора, стоявшего у сарая. Марк слез с байка, снял шлем. Вера осталась сидеть, оглядываясь по сторонам. В её глазах читалось что-то среднее между восторгом и удивлением.

Он подошёл к ближайшему дереву, сорвал манго, повертел в руках, надавил большим пальцем на кожуру. Спелый. Сок брызнул на пыльную землю. Он взял ещё несколько, проверил, кивнул сам себе и бросил в ящик. Вера достала телефон, начала фотографировать. Ряды деревьев, рабочих, ящики с фруктами. Свет пробивается сквозь листья, как тень от бамбукового навеса падает на сухую землю.

Марк подвёл её к старику лет семидесяти, который сидел на корточках у сарая, он был в плетёной шляпе, босиком, кожа тёмная, как старая мебель. Он что-то жевал, глядя в землю, и не сразу поднял глаза.

— Это Лунг Сом, — сказал Марк. — Наш главный агроном. Он тут всё знает. Каждое дерево, каждую ветку.

Старик поднял голову, улыбнулся, обнажив красные от

бетеля зубы, и кивнул. Марк сказал ему несколько фраз на тайском, тот ответил коротко, махнул рукой в сторону дальних рядов.

Вера улыбнулась старику, тот кивнул ей и снова уставился в землю.

Марк повёл её дальше, вглубь плантации. Здесь деревья были выше, кроны смыкались над головой, создавая тень. Воздух стал прохладнее, пахло сырой землёй и листьями.

— Манго, — начал Марк, — это не просто фрукт. В Индии его называют «королём фруктов». Легенда гласит, что однажды бог Шива решил создать самый сладкий плод на земле. Он взял мёд, солнечный свет и каплю росы, смешал их и посадил в землю. И выросло дерево, которое даёт плоды, похожие на кусочки солнца. С тех пор манго считается даром богов. А тот, кто его выращивает, становится ближе к небу.

Вера слушала, затаив дыхание. Она смотрела на деревья, на тяжёлые плоды, в этом было что-то детское и наивное.

— Как бы было здорово всё продать и уехать сюда, — сказала она тихо. — Купить такой вот участок. Жить в домике. Утром собирать манго, вечером смотреть на закат. Никаких кредитов или клиентов.

Марк усмехнулся про себя. Он слышал это от каждой второй.

«Все они хотели бросить всё и уехать в рай. Но никто не понимал, что рай нужно строить руками, а не покупать за

кредитку».

— Тут не так всё просто, — продолжил он. — Местные не любят, когда бизнес ведёт русский. Постоянные палки в колёса. Бумаги, проверки, штрафы. Бюрократия тут похлеще, чем у нас на родине. Каждый месяц кто-то приходит и требует деньги. А я тут держу всё это, — он обвёл рукой плантацию, — чтобы у этих людей была работа. И Лунг Сом мог прокормить внуков.

Он замолчал, глядя в сторону. Вера смотрела на него, в её глазах мелькнуло сочувствие. Она купила это. Как и всё остальное.

— А хочешь, — вдруг сказал Марк, меняя тему, — сделаем практику прямо здесь? В тени. Асаны, пранаяма. Земля тут особая, заряжает.

— Да, — она улыбнулась. — Давай.

Они расстелили коврик прямо под деревьями. Вера встала в позу, вытянула руки вверх, и её лицо стало спокойным, умиротворённым. Марк стоял рядом, поправлял её, и чувствовал, как она расслабляется под его пальцами. Полное доверие.

Они провели прекрасную практику, и собирались уезжать, Марк взял её нежно за руку.

— Секунду, — сказал он Вере. — Мне нужно переговорить со стариком. Рабочие моменты.

Он отошёл к Лунг Сому, который всё так же сидел на корточках у сарая. Вера осталась стоять у байка, листая фо-

тографии в телефоне. Марк достал из кармана две тысячи батов, сложил их пополам и молча протянул старику. Тот взял деньги, даже не пересчитывая, и спрятал в карман своих мешковатых штанов. Кивнул. Ни слова, ни улыбки. Только понимающий взгляд человека, который давно привык играть свою роль в чужом спектакле.

— Спасибо, Лунг Сом, — сказал Марк по-русски, зная, что старик всё равно не поймёт. — Ты лучший агроном в Таиланде.

Он вернулся к байку, натянул шлем.

— Всё в порядке? — спросила Вера.

— Да, — Марк улыбнулся. — Поехали.

Байк летел по дороге обратно, Вера прижималась к нему. Она была его. Полностью.

Вечером бунгало освещалось только десятком свечей, расставленных на полу и подоконниках. Их пламя дрожало от влажного воздуха, отбрасывая длинные тени на бамбуковые стены. Пахло сандаловым маслом и разогретым воском. Марк расстелил на кровати тонкую простыню.

— Ложись на живот, — сказал он.

Вера легла, уткнувшись лицом в подушку. Он налил масла на ладони, согрел его и положил руки ей на спину. Она вздрогнула, выдохнула и расслабилась.

Марк работал медленно, продавливая мышцы, растирая плечи, спускаясь к пояснице. Это был не просто массаж. Это был детокс, очищение, и он знал, что делает. Его пальцы

скользили по её коже, он чувствовал, как она плавится под ними. Большой палец прошелся вдоль позвоночника, дошел до лопатки и остановился на краю татуировки. Маленькая ласточка.

— А это когда было? — спросил он, не прекращая движения.

Вера вздохнула, уткнувшись лицом в подушку, её голос был расслабленный.

— В двадцать два. Пришла в подвал к какому-то мастеру с наколками на пол-лица. Помню, пахло спиртом и старыми журналами. Он спросил, что хочу. А я сказала: ласточку.

Она замолчала, и Марк почувствовал, как её мышцы под его ладонями напряглись, а потом снова отпустили.

— Я тогда думала, что если у меня будет ласточка, то я смогу всё. Ну, знаешь, как в песнях. Стану свободной, уеду из страны, куда-нибудь, где тепло и море. Где никто не будет указывать, как мне жить. Мне казалось, что татуировка это как паспорт. Доказательство, что я не боюсь.

Она усмехнулась тихо, без злобы, скорее с горечью.

— А потом я эту ласточку прятала под одеждой. Муж называл ее «цыганщиной». Говорил, что это несолидно для женщины с бизнесом. И я её прятала. Годами.

Марк налил еще масла, растер между ладонями и положил руки ей на плечи, чуть выше татуировки.

— А сейчас?

— А сейчас я думаю, что это была единственная честная

вещь, которую я сделала за всю свою жизнь, — ответила она.

Вера повернула голову, посмотрела на него через плечо.

— Это неправильно, да?

Марк покачал головой.

— Это не неправильно. Это ты наконец сняла одежду.

Спустя некоторое время Марк достал два листа бумаги и ручку.

— Напиши всё, от чего хочешь избавиться, — сказал он. — Всё, что тянет тебя на дно.

Она писала минут десять, выводя слова с силой, оставляя вмятины на бумаге. Он взял свечу и поднёс к листу.

— Смотри, как это горит. Это твой старый эгрегор. Ты его отпускаешь.

Бумага вспыхнула, скручиваясь в чёрные хлопья, и он бросил её в глиняную миску. Вера смотрела на огонь, её глаза блестели от слёз. Катарсис. Он умел это делать. Он дал ей то, что она искала. Она поднялась, чтобы уйти в дом, но остановилась в дверях, обернулась. В её взгляде была та самая неловкость, неуверенность, которая бывает, когда человек делает шаг навстречу.

Марк не дал ей договорить. Сделал шаг вперёд, схватил её за волосы, запрокинул голову и впился в губы. Грубо, без прелюдий. Она выронила полотенце и вцепилась в его плечи. Он толкнул её на кровать.

Секс был жёстким, скомканным и жадным. Он сжимал её бёдра, таскал за волосы, заставляя выгибаться, и она отвеча-

ла ему стонами, которые переходили в крики. Она кончила несколько раз, цепляясь за простыни, а он смотрел на неё сверху и чувствовал, как власть бьёт в голову.

— Ты сладкая, как манго, — прошептал он ей на ухо, когда они наконец замерли.

Она улыбнулась, уткнувшись в его шею.

Утром он вызвал ей такси. На тумбочке рядом с кроватью Вера оставила аккуратную стопку купюр. Марк взял их в руки, это были доллары.

— Вера, это лишнее. Я не могу это взять.

Она обернулась, улыбнулась той самой искренней улыбкой, которая была у неё вчера вечером у храма.

— Не спорь. Ты снял с меня такой груз, с которым я жила последние десять лет. Это на ферму. Не за меня. Я хочу оставить свой вклад. Чтобы частичка меня осталась в этом месте. Пусть это будет мой след, а не плата.

Она замялась, переступила с ноги на ногу.

— Я могу вернуться в следующем году? — спросила она.

Марк положил руки ей на талию, наклонился и поцеловал. Долго, смакуя.

— Мои двери открыты всегда, — ответил он.

Такси скрылось за поворотом. Марк постоял еще минуту, глядя на пустую дорогу. Потом вернулся в бунгало, взял стопку купюр, пересчитал их машинально, как кассир. Две тысячи баксов. Он убрал их в рюкзак и выдохнул. Притворство закончилось. Брезгливость, которую он давил в себе все

эти дни, наконец отпустила. Он больше не должен был улыбаться, слушать её сопли про отца, изображать интерес к её проблемам. Всё. Она уехала.

Марк достал из кармана беспроводные AirPods, засунул их в уши и включил на телефоне трек. В перепонки ударил грязный, тяжелый гитарный рифф "On the Run" от The Jompson Brothers.

«Старина Фрейд писал, что перенос это когда пациент проецирует на психоаналитика чувства, предназначенные другому человеку. Она влюбилась не в него, влюбилась в возможность быть слабой. Он был просто зеркалом, в котором она наконец увидела себя без брони. И это зеркало теперь стоило ей тысячу долларов. Ницше говорил, что мораль это всего лишь инструмент слабых».

Марк давно перестал верить в мораль. Он верил в результат. Под этот драйв, отбивая ногой ритм по деревянному настилу, он открыл чат с Димой и набрал:

— Бро, я освободился. Когда встречаемся?

Глава 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.